

УДК-001.8

DOI: 10.17223/1998863X/32/14

М.Р. Махаев

МЕТАФОРЫ И БЕССМЫСЛЕННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ: К ФАКТОРАМ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Рассматривается вопрос о факторах становления метафорической проблематики в аналитической философии; ставится под сомнение тезис о том, что анализ выражений, содержащих метафоры, зародился в аналитической философии с самых первых дней ее существования; показано, что метафорическая проблематика не может быть сведена к проблематике бессмысленных выражений; метафоры не могут интерпретироваться как разновидность бессмысленных языковых единиц, поскольку такое понимание метафор ведет многие теоретические концепции ранней аналитической философии к саморазрушению – в частности, доктрины логического атомизма Рассела – Витгенштейна, язык которых основан на базовых метафорах: «логический атом», «молекулярное предложение», «границы языка», «логическая картина мира» и т. д.

Ключевые слова: бессмысленные выражения, анализ метафор, интуиция сходства, логический атомизм, Рассел, Витгенштейн, генезис проблемы метафоры.

1

Существует точка зрения, которая может иметь широкое хождение в отечественной аналитической философии (как укоренившийся стереотип), согласно которой «проблема логического описания высказываний, содержащих метафоры, возникла в аналитической философии с первых десятилетий ее существования» [1. С. 108]. Вероятно, ее истоками служит уверенность исследователя в том, что метафора была воспринята в ранних аналитических теориях как разновидность неосмысленных выражений; ведь, действительно, может показаться, что наряду с «пустыми» именами и «туманными» понятиями метафизики, над осмыслением которых работали первые аналитики, метафоры – это «ни о чем»; просто «безделушка», «украшение» языка, а поскольку проблематика бессмысленных языковых выражений действительно появилась вместе с аналитической философией (рубеж IX–XX вв., «бунт» кембриджских аналитиков), то могло почудиться, что и рефлексия о метафорах также уходит корнями в ту же эпоху. Такую точку зрения трудно принять. Ведь нет никаких прямых свидетельств, что метафора в раннем анализе действительно, пусть даже неосознанно, некритически, была занесена в разряд языковых бессмыслиц: нет каких-либо работ, в которых такой подход был бы артикулирован. Более того, такое понимание метафоры представляет угрозу для самих ранних аналитических теорий (по крайней мере, это касается логического атомизма), поскольку вскрывает «трещины» в их основаниях и может привести их в каком-то смысле к самоотрицанию, как мы постараемся показать далее. Мы утверждаем, что феномен метафорического употребления языка не был оторефлекси́рован в построениях первых

аналитических философов – он был оставлен без внимания в силу неясных причин; и собственно *метафорическая проблематика* складывается на более поздних этапах развития аналитической философии (никак не раньше окончания Второй мировой войны)¹, и ее становление связано с рядом тенденций, происходивших в философии в то время; в частности, с осознанием того факта, что метафоры представляют собой вполне естественные и неизбежные категории философского дискурса, каким бы строгим он ни был.

2

Проблема анализа бессмысленных выражений, способов и возможностей их элиминации из «строгого» языка, над созданием которого трудились аналитики, действительно объемно и регулярно обсуждается в ранней аналитической философии. Вооружившись витгенштейновской аксиомой, что все, «что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать», ранние аналитики (будем называть так аналитиков, представлявших «довоенный» период аналитической философии) предлагают различные проекты по «очищению» языка, претендующего на точное отображение атомарных фактов от всякого метафизического «хлама» и бессмыслиц; именно «бунт» Рассела и Мура против «метафизической», «спекулятивной» традиции, представители которой и «грешили» тем, что оперировали в рассуждениях достаточно туманными языковыми конструкциями и были склонны игнорировать саму реальность (достаточно комплексный анализ языка «метафизического», «спекулятивного» философствования проведен Рудольфом Карнапом: см. его «Преодоление метафизики логическим анализом языка»), становится одной из отправных точек в формировании и развитии аналитической философии (наряду, разумеется, с семантическими проектами Г. Фреге). Благодаря этому «бунту» в британской философии начинается возрождение реалистских тенденций и традиций эмпиризма; в первых публикациях аналитики отстаивают тезис о реальности внешнего мира, его независимости от человеческого восприятия; мир состоит из «вещей вне нас», достоверность которых очевидна; тех самых, что, согласно известной кантовской формулировке, «должны встречаться в пространстве» и, по разъяснениям Мура, представляют собой то, что можно обозначить: «Мое тело, тела других людей, тела животных, разнообразные растения, камни, горы, солнце, луна, звезды, планеты, дома и другие здания, разнообразные продукты промышленного производства – стулья, столы, листы бумаги и т. п., – все это вещи, которые должны встречаться в пространстве» [2. С. 68], независимо от того воспринимаются они сейчас или нет, воспринимались ли в прошлом и будут ли восприниматься в будущем. Для того, чтобы о мире «вещей вне нас» возможно было рассуждать, необходимо, как полагается, «строгий» язык, который приходил бы в согласие с логическими нормами ясности и точности. Позже логические

¹ Об этом свидетельствует и факт отсутствия не только фундаментальных работ по теории метафор в аналитической философии в тот период, но даже каких-либо статей; более того, в текстах ранних аналитиков трудно, порой, отыскать даже конкретные упоминания метафор.

позитивисты будут говорить о «вещном языке» (thing-language). Рудольф Карнап пишет о «вещном языке» так: «Это и есть тот язык, который мы используем, говоря о свойствах наблюдаемых (неорганических) вещей, окружающих нас. Термины типа "горячий" и "холодный" могут рассматриваться как принадлежащие вещному языку, но не "температура", потому что ее определение требует применения технического инструментария; далее "тяжелый" и "легкий", но не "вес..."» [3. С. 32]. Одним словом, принятие онтологии в таком реалистском духе повлияло на понимание того, «о чем можно говорить», а «о чем следует молчать»; какие языковые выражения являются осмысленными, а какие – бессмысленными и, следовательно, с какими предложениями должна иметь дело настоящая философия, а от каких ей следует воздерживаться. Значимыми, осмысленными будут такие выражения, которые могли бы сообщать нам нечто об атомарных фактах; отсюда – языковые выражения, из которых составляются атомарные предложения, должны иметь референты, в качестве которых были бы те самые вещи, «которые должны встречаться в пространстве».

- (1) Дерево баобаб растет в Африке,
- (2) Витгенштейн родился в Вене,
- (3) Сократ был учителем Платона,
- (4) Солнце взошло.

Это осмысленные предложения, которые могут иметь значение относительно атомарного факта: истинное или ложное.

Тогда затруднительное положение возникает в примерах:

- (6) Баба Яга родилась в Африке,
- (7) Единороги появились в Вене,
- (8) Горацио был другом Гамлета,
- (9) Мировой дух взошел и т.п.

которые хоть по своей логической форме и совпадают с предыдущими, но относительно которых, без вреда для логических законов, невозможно ничего определенного сказать (видимо, этот тот случай предложений, относительно которых можно лишь молчать). И хотя референциальный статус имен-субъектов здесь можно было бы описать, опираясь на онтологические проекты «a la Майнонг»¹, однако та онтологическая схема, которая была приемлемой и адекватной для решения тех задач, которых волновали аналитиков, не позволяла излишествовать: для того, чтобы создать идеальный язык, который соответствовал бы нормам точности и ясности и позволял бы, в частности, избегать экзистенциальных следствий, наподобие тех, что вытекают из (6), (7), (8), (9), необходимо «чистить» язык от всякого «метафизического хлама», в числе которых и пустые термины. «Логика, – напишет Рассел, – должна допускать единорогов не в большей степени, чем зоология, потому что логика имеет дело с реальным миром в той же степени, что и зоология, хотя с его наиболее абстрактными и общими чертами: повинуюсь

¹ Мы могли бы, например, признать за такими объектами бытие особого порядка – наподобие майнонговского «so-sein» (так-бытие): независимо от того, существует ли объект актуально или нет, он, так или иначе, имеет свойства. Кстати, онтология Майнонга, вопреки «мрачным» прогнозам Г. Райла, который, как известно, писал, что теория предметов Майнонга «мертва» и вряд ли возродится когда-либо, все же получила развитие в аналитической философии (см. работы Парсонса, Рутли, Смита и др.).

чувству реальности, мы будем настаивать на том, что в анализе суждений нельзя допускать ничего 'нереального'» [4. С. 155–156]. Метафоры, разумеется, также препятствуют установлению значений, ведь действительно, мы «не можем приписать квантор существования объекту, который описывается через метафору, поскольку он не соответствует факту в области наблюдаемого физического и психического мира» [1. С. 108], в то время как описание мира с точки зрения атомизма возможно «указанием всех элементарных предложений вместе с указанием того, какие из них истинны, а какие ложны» [5. С. 56] Предложения (6–9) могли быть поняты и как метафоры: единорогами мы метафорически называли бы, допустим, австрийских нацистов (в этой связи вспоминается пьеса Э. Ионеско «Носороги», в которой за действиями зверей-носорогов многие критики увидели отсылку на деятельность фашистов-штурмовиков в предвоенном Третьем рейхе), именами «Гораций» и «Гамлет» – реально существующих индивидов, которых связывали бы товарищеские отношения, по аналогии с отношениями между персонажами шекспировской пьесы, и т.п. Но язык не проясняется и в этом случае: субъектные имена не отсылают к реальности и ведут, в конечном счете, к логическим трудностям. Можно ли тогда утверждать, что метафора, по крайней мере в системе логического атомизма, представляет собой разновидность бессмысленных выражений, и, кроме того, далее предположить, что осознанно или неосознанно метафоры именно таким образом и понимались ранними аналитиками? Ведь действительно, все метафоры фактически пусты (хотя не все пустые имена, разумеется, метафоры); они ничего не обозначают в реальности; мы привыкли, что метафорами часто выражаются чувства, что они украшают речь, эффективны в поэзии, производят впечатление. И хотя такой подход к метафорам, конечно же, является крайне поверхностным, но именно ее эстетические и экспрессивные функции вспоминаются при одном только ее упоминании.

Тогда возникает вопрос: если метафоры суть разновидность бессмысленных выражений, то почему они активно употреблялись в работах аналитических философов? При этом речь идет не о «лирических вступлениях», которыми, конечно, сопровождалось произведение многих аналитиков и в которых метафоры могли иметь свободное хождение, поскольку в тех («лирических») контекстах их употребление представляется уместным (вспомним хотя бы вступление к «Логико-философскому трактату» Витгенштейна). Мы говорим о базовых, опорных категориях аналитических теорий, которые в сущности своей – «свежие» метафоры. Взять хотя бы базовые для концепции логического атомизма понятия «логический атом», «атомарный факт», «атомарное предложение», «молекулярное предложение». Если мы допустим, что эти выражения являются осмысленными (может, в порядке исключения?), то это дает нам повод обратиться к Расселу с «провокационными» на первый взгляд вопросами: имеют ли эти «логические атомы» что-то наподобие логической массы, можем ли мы обнаружить у них ядро и субатомные частицы, склонны ли «логические атомы» к дисперсионному напряжению и т.п.? Рассел, полагаем, указал бы на абсурдность таких вопросов и сказал бы нам, что заимствовал термин «атом» из физики с определенными намерениями, а именно, для того, чтобы обозначить некоторый класс явле-

ний, имеющих лингвистическую (но не физическую) природу. Он сказал бы, что его метафора произошла из замеченного им сходства между материальными и нематериальными явлениями: подобно тому, как материальные объекты состоят из таких частиц, как атомы, которые находятся друг относительно друга в различных комбинациях, образуя молекулярные структуры, также и события, происходящие в мире, состоят из отдельных единиц – «атомарных фактов» (биографический факт рождения Витгенштейна в городе Вена, факты о дереве баобаб; погодные факты: идет дождь, снег...), которые выражаются, соответственно, в предложениях языка, названных Расселом атомарными³; атомарные предложения объединяются в молекулярные. «Я называю эти пропозиции молекулярными, – пишет Рассел, – поскольку они содержат другие пропозиции, которые можно назвать их атомами...» [9. С. 33].

Трудно спорить с тем, что способность создавать метафоры основана на чувстве или интуиции сходства, которую человек обнаруживает (как правило, часто неожиданно) между разнородными объектами и классами объектов, и, как заметил еще У. Куайн, чувство подобия является фундаментальным свойством нашего мышления и языка (см.: Quine W. O. *Natural kinds*. – London, 1977. P. 157.). Когда Рассел говорит, что его «интересуют атомы не физические, а логические», он не пытается увеличить класс атомов за счет включения в них логических (Н. Гудмен сказал бы, что Рассел создает новый класс, в который входят атомы логического, но не физического порядка)¹; Рассел всего лишь нашел ряд общих у физических частиц и фактов (а также языковых единиц) свойств (быть частью некоторого целого; соединяться друг с другом и т.п.) и уподобил одно другому, создав новую метафору. Рассуждая в терминах теории концептуальной метафоры, мы могли бы сказать, что Рассел понимает и переживает объекты одного вида в терминах объектов другого вида; а поскольку метафорический способ структурирования сущностей носит фрагментарный характер, метафоры высвечивают в понятиях одни их свойства и затемняют другие. Так, при метафоризации терминов физики Рассел «высветил» лишь некоторые (возможно, даже не самые существенные) свойства частиц (атомов), проигнорировав остальные. Подобным образом обстоит дело и с другими, не менее важными для ранней аналитической философии терминами. Витгенштейновские метафоры «терапия языка», «мир фактов», «картина мира», «язык есть граница мышления» и др. создавались приблизительно по тем же принципам и с теми же намерениями, что и рассмотренные выше метафоры Рассела.

Могут ли метафоры восприниматься в таком случае как бессмыслицы? Не приводит ли утвердительный ответ к тому, что доктрина логического атомизма, базовые категории которой, как мы уже упомянули, суть метафоры, состоит из бессмыслиц? Может ли восприниматься имевший место призыв аналитиков очищать язык от подобных выражений иначе, чем как самоопровергающие суждения (обратим внимание, что сами фразы «избавлять

¹ Рассел пишет: «Говоря, что моя логика атомистична, я имею в виду, что разделяю убежденность здравого смысла в существовании многих отдельных предметов» [9. С. 4]; и далее: «...мир можно разложить на некоторое количество отдельных предметов, связанных отношениями, и т.д. ...» [9. С. 15].

язык», «очищать язык», «болезнь языка» также метафоричны)? Думается, что отношение к метафорам, как к бессмыслицам, – это своего рода бомба, под которой находится ценный объект. Для того, чтобы она не сработала и не разнесла в прах систему логического атомизма, необходима более «глубокая» интерпретация проблемы метафорического употребления языка. Объяснение метафоры исключительно в терминах экспрессивной или эстетической функций языка является недостаточным для понимания вопроса – например, не объясняется факт функционирования метафор в языках, казалось бы, самых что ни на есть «строгих» наук: ведь не для эстетического удовольствия используются метафоры в физике (ансамбль малых частиц, невозмущенное вещество, «встряхивание» атома, «дырки» в полупроводнике), математике (гладкая функция, мягкое условие, странный аттрактор) или биологии (ген-хозяин, ген-раб, хромосомный мост, молчащая ДНК); существует немало свидетельств, что многие физики и химики пользовались потенциалом метафор в процессе научных открытий (Максвелл, Резерфорд, Гюйгенс). Можно, разумеется, указать на то, что метафоры позволяют заполнять лакуны в языке, изобретать новые термины, и в этом и состоит их ценность. Действительно, номинативный потенциал метафор заслуживает внимания, но и здесь мы рискуем «сузить» тот объемный взгляд на метафору, к которому мы стремимся. Допустим, что Рассел, создавая свою теорию, подбирая слово (из возможного набора известных ему терминов и значений) только для того, чтобы обозначить открытый им в акте озарения новый феномен в области теории языка. Но не превращается ли деятельность философа (или ученых) в таком случае в некую игру по изобретению новых слов? Что касается Рассела, то в терминологическом аппарате логики, лингвистики и философии того времени было немало терминов, которые он мог бы успешно и без вреда использовать в своих построениях, не прибегая вообще ни к каким метафорам. Сомнительно, что создание новых понятий с помощью метафорического «кодирования» – самоцель для мыслителей. Метафора приводит к пониманию мира, менее доступного нашим органам чувств; она словно «код доступа» к «безграничному» (к бесконечным вселенным, возможным мирам), и с этой своей, возможно, пока еще «теневой» стороны метафора исследована недостаточно глубоко, а потому сегодняшнее положение теории метафоры можно уподобить положению, в котором находилась астрономия в преддверии открытия планеты Нептун: мы помним, что астрономы, пытаясь объяснить странное, аномальное поведение планеты Уран, предположили, что, возможно, «неподалеку» от нее существует оказывающая воздействие на нее другая планета... так был открыт Нептун.

Отчасти задачу объяснить сильное влияние метафор на мышление и язык взяли на себя теоретики концептуальной метафоры. Можно не соглашаться со многими положениями «концептуальных» теорий: в частности, с тезисом о метафоричности всей нашей системы мышления (Тед Коэн, к примеру, подчеркивает, что эта идея не имела большого влияния на аналитических философов), но тот факт, что метафоры повсеместно присутствуют в различных дискурсах, и то, что обойтись без них крайне трудно, а порой и невозможно, находит подтверждение в самом опыте. Даже усилия по очищению философского языка от «туманных выражений» и построению точного, иде-

ального языка вынуждают нас прибегать к метафорам¹ («идеальный язык», «очищение языка», «построение», «туманные выражения», «прозрачный язык» и т.п.). Marguerite La Caze в работе «The Analytic Imaginary» приводит множество доказательств в пользу того, что язык аналитической философии метафоричен. В этом нет ничего странного. Метафоры «активно участвует в развитии знания, замещая устаревшие "естественные" категории новыми, позволяющими увидеть проблему в ином свете, предоставляя нам новые факты и новые миры...» [6. С. 194]. Как заметил М. Блэк относительно метафор, «запретить их использование – значит намеренно ограничить способность нашего разума к поиску и открытию» [7. С. 169].

Возможно, для осознания того, что проблема метафор не может быть решена простыми методами и аналитическая философия нуждается в глубокой рефлексии о ней, должны были сложиться условия. Они сложились²: появились новые семантические доктрины (например, «семантика возможных миров»), новые теории значения (например, прагматическая), новые логические и онтологические проекты (например, теории Парсонса, Приста); свою роль, возможно не последнюю, сыграл и кризис логического позитивизма и др. Нельзя сказать, что все это было спровоцировано интересом к метафоре: скорее, наоборот, интерес к метафоре был спровоцирован этими тенденциями, имевшими место, повторим, в уже послевоенный период развития аналитической философии.

Трудно назвать дату выхода самой первой работы по метафорам в аналитической философии; Тед Коэн указывает на «Метафору» М. Блэка (1954–1955), но широкое рассмотрение она получила, по его мнению, лишь десятки лет спустя после своего выхода, благодаря упоминанию в трудах Гудмена. С уверенностью можно лишь указать, что крупные, получившие резонанс работы начали выходить в свет после Второй мировой войны (Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy (1962), Henle P. Language, Thought and Culture (1965), Goodman N. Languages of Art (1968), Davidson D. What Metaphors Mean. (1978) Lakoff G. Johnson M. Metaphors We Live By (1980). Тэд Коэн пишет приблизительно об этом же: «Как кажется, тема (*проблема метафоры*. – Прим. авт.) начала получать регулярное внимание, особенно среди аналитических философов, некоторое время спустя после 1950 г. Значимость метафоры в философии языка и философии искусства в настоящее время получила признание [8. С. 366].

Действительно, «загадочность», «таинственность» метафоры настолько привлекли философов в наше время, что мы могли бы вслед за Марком Джонсоном повторить: «We are in the midst of metaphormania» («Мы находимся в эпоху метафорамании»). Возможно, в будущем мы получим новые,

¹ Факт повсеместного присутствия метафор в языке, их влияние на мышление Д. Лакофф и М. Джонсон объяснили тезисом метафоричности всей нашей понятийной системы. Вот что они пишут: «Метафора обычно рассматривается как собственно языковая характеристика, связанная скорее со словами, чем с мышлением и деятельностью. По этой причине множество людей считает, что они прекрасно обходятся без метафор. Вопреки этому мнению, мы обнаружили, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [10. С. 25].

² Нам уже приходилось констатировать, что «формирование аналитической философии метафоры происходило на фоне расширения проблемного (тематического) поля аналитической философии в целом» (см.: К вопросу о структуризации проблемного поля аналитической философии метафоры // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 392).

еще более удивляющие наш разум сведения о метафорах, и аналитическая философия также может внести в это дело свой вклад.

Литература

1. Никоненко С. Аналитическая трактовка метафоры // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. С.108–112.
2. Мур Д. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия. Избранные тексты. М., 1993. С. 66–84.
3. Карнап Р. Логические основания единства науки // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 23–41.
4. Рассел Б. Введение в математическую философию. М., 1996. 262 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 136 с.
6. Гудмен Н. Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры. М., 1990. С. 194–201.
7. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
8. Cohen T. Metaphor // The Oxford Handbook of Aesthetics. Oxford. 2005. P. 366–377.
9. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск, 1999. 192 с.
10. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Makhaev Mair R. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

DOI: 10.17223/1998863X/32/14

METAPHORS AND MEANINGLESS EXPRESSIONS: ABOUT GENESIS THE PROBLEM OF METAPHORS IN THE ANALYTICAL PHILOSOPHY

Keywords: meaningless expressions, the logical atomism, Russel, Vitgenstein, genesis the problem of metaphors, language of philosophy.

In the article considers question about the origins and factors of formation of the metaphorical problematics in the analytical philosophy. I don't agree that the problem of the analysis of metaphors originated in the pre-war period of analytical philosophy. This view, for example, can be detect (found) in the article Nikonenko (see his article «Analytical interpretation of metaphor»). I think, that researchers, who take this point of view, do not distinguish between the problem of meaningless expressions and, something similar to it, problems of metaphorical using of language. Since the problem of meaningless expressions really originated in the pre-war period of analytical philosophy, it might seem that the problem of metaphor originated in the pre-war period too. But it's not true. The problem of metaphor is a completely special research topic. Metaphors cannot be reduced to a meaningless expressions and, so, the problem of metaphorical using of language cannot be reduced to a problem of the meaningless expressions. Metaphor is specifically linguistic phenomenon. its specificity in the fact that metaphors have two structural elements - literal and, conditionally, non-literal (for example, implied). We can call them, for example – «literal meaning» and «implied sense», "tenor" and "vehicle, «metaphor's focus» and «frame», etc. It is believed, that metaphors do not refer to non-linguistic objects and, thus, they are kind of empty names. But why they often are used in naming of phenomena (objects) that have not yet designations in language? Why are metaphors used in science and philosophy, including in analytical philosophy? For example, we can remember metaphors in the theory of Russell – «logical atom», «molecular sentence». Vitgensteins metaphors: «the logical picture of the world», «the world of facts», «language as border of thinking» and so on. Marguerite La Caze in her «The Analytic Imaginary» also writes about metaphors, that used in analytical philosophy. Can we then say that metaphors are kind of empty names, which, moreover, must be eliminated from strictly language? This position is dangerous to themselves analytical theories - for example, the conception of the logical atomism. It turns out that it consists of empty names? What to do in this case Russell or Vitgenstein? I think, analytics should to consider metaphors more carefully and deeply and we must understand, that metaphors have many different and useful for science functions. However, this happened in the postwar period in the genesis of analytic philosophy.

References

1. Nikonenko, S. (2003) Analiticheskaya traktovka metafory [The analytical interpretation of the metaphor]. In: *Rabochie tetradi po komparativistike. Gumanitarnye nauki, filosofiya i komparativistika* [Workbooks on comparative linguistics. Humanities, Philosophy and Comparative Studies]. St. Petersburg: Web-Department of Philosophical Anthropology. pp.108–112.
2. Moore, D. (1993) Dokazatel'stvo vneshnego mira [Proof of the external world]. In: Gryaznov, A. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty* [Analytical philosophy. Selected works]. Moscow: Moscow State University. pp. 66–84.
3. Carnap, R. et al. (2002) Logicheskie osnovaniya edinstva nauki [Logical grounds for the unity of science]. In: Carnap, R. et al. *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, truth, existence]. Translated by V. Surovtsev et al. Tomsk: Tomsk State University. pp. 23–41.
4. Russel, B. (1996) *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu* [Introduction to mathematical philosophy]. Moscow: Gnosis.
5. Wittgenstein, L. (1958) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German. Moscow: Nauka.
6. Goodman, N. (1990) Metafora – rabota po sovmestitel'stvu [The metaphor as job-sharing]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 194–201.
7. Black, M. (1990) Metafora [The Metaphor]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 153–172.
8. Cohen, T. (2005) Metaphor. In: Levinson, J. (ed.) *The Oxford Handbook of Aesthetics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 366–377.
9. Russel, B. (1999) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [The philosophy of logical atomism]. Translated from English by V. Surovtsev. Tomsk: Vodoley.
10. Lakoff, D. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova. Moscow: Editorial URSS.